

Литература

1. Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014. 632 с.
2. Дейк Т. А. ван. Власть и дискурс: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. 344 с.
3. Пантина О. А. Экспрессивная перспектива англоязычного новостного дискурса (на материале газетных текстов о природных катастрофах): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. СПб., 2018. 20 с.
4. Розе Е. Е., Емельянов А. В. Метафоры в миграционном дискурсе англоязычных газетных статей // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2018. № 4(16). С. 9.
5. Салатова Л. М. Экономический кризис сквозь призму метафорических моделей // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2011. № 1. С. 237–240.
6. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1995. 382 S.
7. Spiegel Online. URL: <https://www.spiegel.de/thema/coronavirus>
8. Wicke P., Bolognesi M. M. Framing COVID-19: How we conceptualize and discuss the pandemic on Twitter // PLoS ONE. 2020. № 15 (9). DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0240010> (date of access: 30.11.2020).

УДК 882: 417.3

*О. С. Шурупова (Липецк, Россия)
Липецкий государственный педагогический университет
им. П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Вербализация растительного мира в лирике И. А. Бунина

В статье предпринимается попытка подвергнуть анализу наиболее частотные для поэзии И. А. Бунина растительные образы и показать, как осуществляется их вербализация. С помощью растительных образов поэту удается выразить свое понимание временного и вечного, а также отразить в своей лирике образ Родины, неподвластной переменам.

Ключевые слова: лирика И. А. Бунина, растительные образы, символ, клен, ель, береза

По словам И. А. Ильина, «кто хочет читать и разуметь Бунина, тот должен почуять эту атмосферу русской усадьбы... эту близость к природе... этот чуткий и простосердечный подход к крестьянству» [4, с. 212]. Русская природа предстает в его лирике во всем своем многообразии, и «о чем бы Бунин ни повествовал, он прежде всего вдвигает в душу читателя зрительный

образ – почти всегда прекрасный, когда речь идет о природе» [2, с. 224-225]. Разумеется, в лирике И. А. Бунина часто создаются растительные образы, и для постижения духовной атмосферы его творчества, немаловажным представляется их исследование. Создавая в своих стихотворениях среднерусские, южные, восточные пейзажи, И. А. Бунин упоминает различные растения. Анализируя подобные образы, современные исследователи С. А. Ширина и Е. А. Гремячих отмечают, что «осмысление флористических образов определяется в первую очередь их эмоциональным наполнением, а не спецификой авторских ассоциаций, а потому не имеет устойчивого характера» [8, с. 155]. Однако нам представляется, что растительные образы в поэзии И. А. Бунина все же достаточно часто приобретают символическое значение.

Так, одним из значимых образов поэзии И. А. Бунина, бесспорно, является образ сада. Анализируя особенности романа «Жизнь Арсеньева», Е. А. Гаршина пишет, что «лексема сад имплицитно означает значение “дом, семья, родовое поместье”» [3, с. 14]. Однако сад неразрывно связан с усадьбой и в его лирике. По мнению О. Осадчей, «лексема *усадьба* с течением времени впитала в себя содержание словосочетания *дворянская усадьба*, ослабив этимологическую связанность с глаголом “садить” и проявив, выстроив на первой линии связь со словом “сад” как принадлежность именно дворянского класса» [6]. Сад в поэзии И. А. Бунина связан с усадьбой, где лирическому герою все до боли знакомо, где прошло его детство и где жили и умирали многие поколения семьи. Сад становится символом былого счастья, о котором со светлой грустью или с болью вспоминает человек, символом истории семьи, поскольку сад представляет собой своеобразного свидетеля жизни нескольких поколений, которые сажали деревья, прогуливались по аллеям, грустили и радовались. Так, в стихотворении «И снилось мне, что осенней порой...» сад остается единственным, что напоминает лирическому герою, вернувшемуся домой после долгой разлуки, о родном доме, о матери и отце. Герою снится, что исчезло все былое, утрачено то, что он любил, родительский дом пуст и заброшен. Остался лишь опустевший сад: «И снилось мне, что всю ночь я ходил, / По *саду*, где ветер кружился и выл, / Искал я отцом посаженную *ель*...» [1, с. 59].

Деревья, которые посадили отцы и деды, служат для их потомков напоминанием о былом и становятся, таким образом, звеном, соединяющим эпохи. Даже если люди умерли, деревья продолжают жить, расти и служить своеобразным утешением тем, кто оплакивает былое: «С безумной тоскою кого-то я звал, / И сад обнаженный гудел и стонал...» [1, с. 59].

Эти растения – своеобразный символ России, ее многовековой истории. Неслучайно цикл рассказов, посвященных утраченной родине, И. А. Бунин назовет «Темные аллеи». В дворянском саду читатель поэзии И. А. Бунина

находит целый ряд растений: «Вкруг дома глушь и дичь. Там клены и осины, / Приюты горлинок, шиповник, бересклет...» [1, с. 149].

Клен – дерево, появляющееся в ряде стихотворений поэта, где создается образ старого сада. Так, в стихотворении «В окно я вижу груды облаков...» осень юга, где человеку «легко и весело, как птицам» [1, с. 112], противопоставлена осени в старой усадьбе, где «Клены золотые / И белые березки у балкона / Сквозят на небе редкою листвою» [1, с. 111]. В старом доме тепло, а пустой сад уже полон осеннего холода, все предвещает наступление зимы. Однако «осенний полдень светел» [1, с. 112], и золотые клены вселяют не горечь, а лишь светлую, тихую грусть в душу человека, понимающего, что наступление холодов закономерно и помешать ему, остановить ход времени невозможно.

Образ осеннего клена появляется и в стихотворении «Щеглы, их звон, стеклянный, неживой...», посвященном размышлениям о роли поэта и сущности творчества: «И клен над облетевшею листвою, / На пустоте лазоревой и чистой, / Уже весь голый, легкий и ветвистый...» [1, с. 358].

«В мифологических представлениях западных и восточных славян в клен (явор) был по заклетию превращен человек. Такое верование указывает на сохраняющиеся тотемические черты в представлениях о клене. По этой причине кленовое дерево... не используют на дрова, не делают из него гроб» [5]. В стихотворении И. А. Бунина клен тоже воспринимается почти как живое существо, как собеседник: «О мука мук? Что надо мне, ему, / Щеглам, листве?...» [1, с. 358].

В тексте неоднократно встречаются слова с семантикой смерти: «неживой», «хрустально-мертвый» звон щеглов, «безжизненно-лазоревый шатер» неба, «голый» клен, «пустой» сад, «пустота, сияющая над кленом». Желтая листва – единственное, что оживляет сад, и лирический герой берет на память лист клена, чтобы остановить время, сохранить ускользающий осенний день, сделать попытку помешать пустоте и смерти: «...Пусть в моей тетради / Останется хоть память вместе с ним / Об этом светлом вертограде...» [1, с. 358].

Образ клена, как правило, присутствует в стихотворениях, где создается атмосфера осенней, затихшей усадьбы, тогда как, изображая зиму и ночь, поэт чаще обращается к елям. Вечнозеленые хвойные растения «нашли широкое применение в похоронной и поминальной обрядности» [7, с. 156]. Зима – холодное время года, которое в сознании русского человека традиционно связывается со смертью всего живого, и сумрачные, темные ели неизменно появляются в стихах И. А. Бунина о зимней природе: «Дремлют в снегу одинокие ели... / Мнится мне ночью: не степи кругом – / Бродит Мороз на погосте глухом...» [1, с. 68]; «Где ельник сумрачный стоит / В лесу зубчатым темным строем, / Где старый позабытый скит / Манит задумчивым покоем, / Есть птица Вирь...» [1, с. 88]; «Лапы елей висят неподвижным навесом, / И запуталась хвоя

в сухих паутинах... / Точно древние своды во храмах пещерных, / В подземелье Перуна, высоко и черном!» [1, с. 108].

В лирике И. А. Бунина обычно создается образ не одиночной ели (хотя он также появляется, например, в уже упомянутом нами стихотворении «И снилось мне, что осенней порой...»), а нескольких темных, колючих деревьев или даже ельника – таинственного леса, напоминающего о древних, давно ушедших верованиях. В стихах, где появляется образ елей, часто возникают фольклорные мотивы сказочного русского леса, что соответствует славянским представлениям о ели как дереве, имеющем отношение к области народной демонологии. «Дети лесовых духов лежат в люльках, висящих на елях и соснах, а дети русалок – под елью. По елям черти водят проклятых и утащенных ими в лес детей, под елью леший укладывает спать заблудившихся» [7, с. 155]. В еловом лесу, который создает в своей поэзии И. А. Бунин, бродит Мороз, живет мифическая птица Вирь, а под темным навесом еловых ветвей, не пропускающим солнечных лучей, скрывается подземелье Перуна. В стихотворении «Терем» поэт создает образ запертой в тереме среди елей красной девицы, характерный для народной сказки: «Высоко стоит луна. / Тени *елей* резки, четки. / Я – в светлице у окна» [1, с. 179]. Запертая в тереме красавица совершенно одинока. Образы теней, елового леса, лунного света, бледной девушки способствуют созданию особой атмосферы. Перед читателем не просто романтическая мечтательница, грезящая при свете луны о неведомом суженом, но лишенная солнечного, дневного света, всеми оставленная девушка, которая как бы видит себя со стороны: «Да и я – как в серебре, / Испещренная крестами...» [1, с. 179]. Лунные кресты на лице героини напоминают о крестах кладбищенских, а упоминаемая в стихотворении долгая ночь может являться прообразом могильного сна. Вековые ели в поэзии И. А. Бунина связываются со смертью и одновременно с вечностью, седой древностью, что справедливо замечают О. А. Бердникова и Е. В. Нестерова, обращаясь к стихотворению «Апрель», где, несмотря на картины весны, елям, как обычно, сопутствуют сон и лунная ночь: «И сонно, сонно светится сквозь *ельник* / Серпа зеленоватое пятно...» [1, с. 177]. По словам исследователей, «вечнозелёные... ели («ельник») и зеленоватый свет месяца, с одной стороны, есть как бы отражение света вечности, а с другой – точное описание лунного света в сумерках. Бунин умеет запечатлеть мгновения текущего времени с позиций вечности» [2, с. 23].

Наиболее светлой символикой в лирике И. А. Бунина наделяется береза. Как утверждают С. А. Ширина и Е. А. Гремячих, «образ березы – один из ключевых образов-символов в поэтическом творчестве Бунина. Для поэта, как и для каждого русского человека, береза является неотъемлемой частью родной природы, и, безусловно, ощущение Родины находит отражение в эмоциональном наполнении образа березы и обогащает тем самым символический компонент

его значения. Таким образом, традиционное символическое осмысление образа березы (береза – символ России) взаимодействует с восприятием образа в контексте всего поэтического творчества Бунина» [8, с. 155]. Береза упоминается в целом ряде стихов И. А. Бунина, посвященных весне: «Стыдливо белая *береза* зеленеет» [1, с. 48]; «...А белые *березы* / Роняют тихий дождь своих алмазных слез» [1, с. 49]; «В поле при дороге белая *береза*, / Озими да пашни – и апрельский день» [1, с. 56]; «Все темней и кудрявей *березовый* лес зеленеет; / Колокольчики ландышей в чаще зеленой цветут» [1, с. 90].

В поэзии И. А. Бунина, конечно, появляются и осенние, и зимние березы, но троицкая березка играет особую роль в народных обычаях, связанных с наступлением теплого времени года, и очень часто в поэзии Бунина береза становится весенним деревом, образ которого связан с юностью и пробуждающимися надеждами. Слово «береза», как правило, сопровождается в таких стихах постоянным эпитетом «белая» или «зеленая». Говоря о березе, поэт не пытается создать вычурный, многоаспектный образ, не использует сложных метафор. Весенняя, чаще всего апрельская береза в его лирике напоминает стыдливую юную девушку. Изображая это дерево, поэт прибегает к достаточно редкому для его творчества приему олицетворения. С. А. Ширина и Е. А. Гремячих считают, что отказ от олицетворений объясняется тем, что «для Бунина мир природы – это извечная составляющая реальной жизни, ...поэт... не воспринимает природу обособленно, отдельно от себя» [8, с. 156]. Однако березы в стихотворении И. А. Бунина «Как дымкой даль полей закрыв на полчаса» плачут и улыбаются сквозь слезы.

Следует отметить, что в поэзии И. А. Бунина только в названии этого дерева появляется уменьшительно-ласкательный суффикс, позволяющий поэту выразить ласковые, нежные чувства к родной природе. Так, в стихотворении «Березка» появляется образ березы, теперь уже осенней, лишенной листвы, но по-прежнему прекрасной. Она затеряна в «желтом голом поле» [1, с. 262] и как бы противостоит осени и всему миру, словно одинокий человек: «На перевале дальнем, на черте / Пустых полей, березка одинока. / Но ей легко. Ее весна далеко» [1, с. 262].

В лирике И. А. Бунина, посвященной родной природе, часто появляются упоминания о растениях, которые играют особую роль в создании смыслового пространства стихотворений. Растительные образы вербализуются в названиях типичных для русского ландшафта деревьев: кленов, елей, берез. Не прибегая к сложным метафорам, поэт создает растительные образы лишь с помощью существительных, обозначающих то или иное дерево, сопровождающихся иногда одиночными определениями: «зеленые березы», «одинокие ели», «золотые клены» и т.д. Тем не менее, несмотря на кажущуюся простоту создания растительных образов, поэту удастся не только с удивительной точностью описать род-

ную природу, но и выразить свое понимание вечности. Проходит время, сменяются поколения, но родовая усадьба, сад, созданный руками предков, и овеянный легендами русский лес представляются вечными, и, запечатлевая мгновения осеннего дня, зимней ночи, теплого весеннего утра, И. А. Бунин передает своим читателям это ощущение неумолимо бегущего времени и незыблемости, неизменности бытия в целом.

Литература

1. Бунин И. А. Стихотворения. Переводы // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1987. 687 с.
2. Бердникова О. А., Нестерова Е. В. Особенности весеннего хронотопа в поэтическом творчестве И. А. Бунина // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2014. № 2. С. 22–25.
3. Гаршина Е. А. Концептуализация пространства и времени в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» (на материале лексики с ценностным компонентом): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2013. 24 с.
4. Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелев // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. М.: Русская книга, 1996. С. 184–406.
5. Мифология [Электронный ресурс]. URL: <http://www.a700.ru/plants/woods/296-klen.html> (дата обращения: 29.10.2020).
6. Осадчая О. Важнейшие содержательные компоненты концепта «дворянская усадьба» и средства их репрезентации в русском языке (на материале произведений И. А. Бунина) // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2-2. С. 298–302.
7. Славянская мифология: энцикл. словарь. М.: Междунар. отношения, 2014. 512 с.
8. Ширина С. А., Гремячих Е. А. Особенности создания флористических образов в лирике И. А. Бунина // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3. С. 154–157.